

**Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»**

Ф.П. Преображенский

В чем истинное счастье?

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1898. № 11. С. 611-631.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](#) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБПДА
Санкт-Петербург
2009

ВЪ ЧЕМЪ ИСТИННОЕ СЧАСТЬЕ?

Опытъ выясненія вопроса съ христіанской точки зрењія.

Я — путь, истина и жизнь.
Слова Христа Спасителя.

VI ¹⁾.

Жизнь человѣка, полная умственныхъ наслажденій, эстетическихъ эмоцій и наслажденій красотою природы, можетъ идти нормальнымъ путемъ только при условіи правильного развитія духовно-тѣлесныхъ силъ человѣка при помощи физического и умственного труда, который самъ въ себѣ заключаетъ источникъ наслажденія свободнымъ просторомъ раскрытия силъ и духовно-тѣлесной природы. Трудъ и правильный отдыхъ — вотъ условія истинной жизни. Бездѣлье, лѣнь, усталость нервовъ — это послѣдствія взгляда на жизнь, который не видить въ ней ничего великаго и серьезнаго. Отсутствіе физического труда, трата даровъ ума и сердца на безсмысленную игру въ мысли и чувства — вотъ та удушливая атмосфера, въ которой задыхается живая душа, обращаясь въ мрачнаго пессимиста съ его *taedium vitae*. Спасеніе всѣхъ — въ нормальному трудѣ, который дисциплинируетъ нервы, разгоняетъ скучу и разочарованіе и свѣтлыми моментами здороваго отдыха

¹⁾ См. октябрскую кн. „Хр. Чтенія“.

наполняютъ нашу скучную радостями жизнь. Трудъ есть источникъ самыхъ здоровыхъ и прочныхъ наслажденій.

Эти истины современнаго воспитанія и нравственной гигієни нигдѣ не являются въ такомъ глубокомъ смыслѣ и значеніи, какъ въ христіанскомъ міровоззрѣніи, и только трудъ, озаренный христіанской идеей, есть въ дѣйствительности источникъ чистыхъ и свѣтло-здоровыхъ радостей человѣка.

Искать развитія своихъ умственныхъ и физическихъ силъ и въ нормальномъ трудѣ и отдыхѣ видѣть источникъ наслажденія и счастья — было указано человѣку его Творцемъ еще въ раю. Воздѣлываніе рая, названіе животныхъ по имени — вотъ проявленія двухъ сторонъ труда — физического и умственного. Работать и мыслить — это также естественно, какъ питаться и дышать. Но то, что было благословеніемъ, стало проклятіемъ, и то, что было дѣломъ свободного и вольнаго труда, сдѣлалось работой каторжника, прикованнаго къ своей тачкѣ. Поле работы орошено слезами; хлѣбъ смѣшанъ съ горечью ихъ; умственный трудъ сталъ мукой безсилія и тщетнаго блужданія по темнымъ извилинамъ тернистой дороги. Трудъ стали нести какъ тяжелое бремя, съ проклятіемъ безсильной злобы, и лучшіе люди до-христіанскихъ временъ предоставляемъ это тяжелое бремя рабамъ, тому, что не имѣло права на имя и честь человѣка. Христосъ освятилъ Своимъ примѣромъ скромный трудъ плотника и считалъ за счастіе нареченного сына — помогать нареченному отцу въ его скромной долѣ плотничаго труда. Онъ возвратилъ труду то благословеніе, которое дано было ему въ раю, и въ неустанномъ трудѣ для другихъ, во всѣхъ формахъ человѣческаго труда, указалъ видѣть истинное содержаніе земной жизни. Христосъ есть идеалъ труженика. Въ тотъ день, когда Онъ взялъ орудіе плотника, Онъ освятилъ знамя смиреннаго труда. Вся Его земная жизнь была неустаннымъ подвижничествомъ и, не имѣя гдѣ главы подклонити, Онъ отдалъ всего Себя на величайшій трудъ, столь неблагодарно оцѣненный человѣчествомъ... Его пища была творить волю Пославшаго Его и совершить дѣло Его, и Онъ дѣлалъ это дѣло; доколѣ былъ день, ибо скоро наступитъ ночь, когда никто не можетъ дѣлать... Провозвѣстникъ неустанной работы, Христосъ благословилъ и сладость отдыха и Самъ, конечно, испыталъ это наслажденіе, когда въ тиши природы, въ общеніи съ Отцомъ, въ молитвѣ, въ святой тишинѣ уединенія отдыхалъ, собирая свои человѣческія

силы на иовые подвиги неустаннаго труда... Лучшіе носители христіанскихъ идеаловъ, первые ученики Христа и слѣдовавшій имъ святой сонмъ служителей христіанской идеи считали часъ, проведенный безъ труда, потеряннымъ для вѣчности. Они смотрѣли на трудъ, какъ на радостное дѣло, которое является моментами и ступеню на лѣстницѣ ихъ земнаго пути къ небу. Трудъ съ молитвою, согрѣтый любовію къ тѣмъ, ради кого трудишься, есть противоядіе унынію и скукѣ и источникъ радостнаго наслажденія, а христіански проведенное время отдыха есть одна изъ величайшихъ и прочныхъ радостей жизни.

Христіанство благословило трудъ, умѣрило эгоистическіе инстинкты, для которыхъ требовалась сверхсильная работа, вложило въ сердце духъ терпѣнія и довольства скромной долей, въ которой еще величавѣ глядить жемчужина христіанской души, и согрѣло трудовую долю христіанскою любовію, которая во имя Христово готова, въ забвеніи себя, пожертвовать всѣ свои силы и дары на упорный трудъ для всѣхъ братьевъ во Христѣ. Неуклонно стремясь къ раскрытию своихъ физическихъ и нравственныхъ силъ путемъ неустанной работы надъ собой, полный терпѣнія и довольства своей скромной долей смиреннаго труженика, не зная часовъ скучи и унынія, съ сознаніемъ радостности и глубокаго смысла своей работы, идетъ христіанинъ, озаряемый свѣтомъ вѣры, согрѣваемый любовію къ жизни, цѣнность которой для него безконечна, и любовью къ людямъ, которые для него всѣ родные, — идетъ по тернистому пути жизни и, съя съ горькими слезами, пожинаетъ свѣтлыя радости. Тихій свѣтъ лампады наполняетъ небеснымъ миромъ усталую душу работника, и слезная молитва есть единственный источникъ отрады и утѣшенія для покрытаго потомъ и пылью пахаря, для которого среди его тяжелаго труда сладкій отдыхъ души, ввѣрившей судьбу своего посѣва Небесному Сѣятелю, есть почти единственная его земная радость.

Да, не въ этомъ бездушномъ физическомъ трудѣ, безъ любви и охоты, по однимъ лишь основамъ гигіиены и странныхъ желаній «опрошенія», въ которомъ до комизма доходили жалкие и безъидейные поклонники того писателя, который,годный на великое служеніе умственному свѣту и дѣлу истиннаго искусства, перемѣнилъ его на дѣло печника и сапожника,—не въ этихъ колоніяхъ людей, въ физическомъ трудѣ желавшихъ забыть свои нравственные язвы, а въ скром-

ной, терпѣливой трудовой долѣ, безъ излишнихъ претензій и требованій, но съ неисчерпаемымъ запасомъ любви, есть истинное счастіе и источникъ наслажденія, въ трудѣ всестороннemъ во имя Христа, при свѣтѣ Его примѣра, въ христіанской атмосферѣ вѣры и любви. Вотъ куда, вотъ во имя чего нужно бодрыми голосами призывать современное не способное ни къ какимъ духовнымъ подвигамъ человѣчество: къ труду, какъ противоядію противъ скуки и разочарованія и источнику бодрыхъ и чистыхъ радостей. Но для этого потребно нравственное возрожденіе; къ дѣлу личнаго нравственнаго развитія мы и перейдемъ теперь.

VII.

Свѣтлая область нравственныхъ идеаловъ, жизнь при свѣтѣ нравственной идеи, постепенное восхожденіе по ступенямъ нравственного совершенствованія и нравственное самоудовлетвореніе, какъ нѣкоторое чувство счастія, на каждомъ моментѣ этого восхожденія къ идеалу — вотъ еще источникъ радости и счастія, болѣе глубокій и вѣрный, чѣмъ разобранные нами выше. Правда, не въ такомъ идеальномъ видѣ представляется этотъ источникъ счастья въ книжкахъ современныхъ теоретиковъ счастья, и можетъ быть именно въ этомъ вопросѣ, какъ нигдѣ болѣе, христіанство имѣеть глубочайшее и нesравненное значеніе. Блѣдныя отображенія и подобія христіанскихъ идеаловъ находимъ мы у современныхъ моралистовъ. Они лишили свои идеалы чистоты того идеала нравственности, какой проповѣдуется христіанствомъ и, должно понять его, не только сами подчинились принципу утилитарно-эгоистической морали, но навязали его и христіанской морали, иногда даже признавая въ себѣ болѣшее безкорыстіе принциповъ, сравнительно съ христіанствомъ. Полный розь и шиповъ, торжественный и чудный путь нравственного совершенства совсѣмъ почти исчезаетъ въ ихъ холодныхъ формулахъ, въ которыхъ больше требованій гигиены, выгодности поведенія, эгоистическихъ цѣлей земной жизни, чѣмъ дѣйствительного стремленія къ небесамъ нравственной высоты. Построенная на такихъ началахъ, противорѣчива въ своихъ основныхъ принципахъ, мораль современныхъ теоретиковъ

размѣняла на мелочь драгоцѣнную драхму Христова ученія, не давъ ничего взамѣнъ свѣтлого образа Христа, въ которомъ въ такой неподражаемой полнотѣ осуществился высочайшій нравственный идеалъ, какъ пѣсня неба на скучной землѣ. Лишивъ нравственную дѣятельность твердой религіозной опоры и основы, она предоставила человѣка въ жертву его собственнаго безсилія въ борьбѣ съ самимъ собою и, осудивъ на нравственную безпринципность, предала его печальной долѣ безвѣрія и нравственной слѣпоты... А смотрите, что это за чудное зрелище человѣческой души на пути ея нравственной дѣятельности, направленной къ высочайшимъ цѣлямъ существованія, съ мощной силой, сходящей съ неба и дающей дѣйствительныя, истинныя радости на землѣ, какими, сопровождается каждый моментъ даже страданія на пути къ небеснымъ высотамъ христіанскаго идеала! Что можетъ быть выше этого идеала: будьте совершенны какъ Отецъ вашъ небесный совершенъ есть! Кто укажетъ границы этого процесса, который, начинаясь здѣсь, на землѣ, ростетъ безконечно, исполняя величайшимъ смысломъ весь кругъ человѣческой дѣятельности и переходя въ свѣтлые сферы вѣчности? Что способно замѣнить собою свѣтъ вѣры, который одинъ, среди нравственныхъ сумерекъ, можетъ освѣтить темные пути человѣку, предоставленному своей жалкой долѣ — плыть, безъ руля и вѣтрилъ, въ безграничномъ и волнующемся жизненномъ морѣ, при сомнительномъ руководствѣ идеаловъ безрелигіозной морали, расплывшейся въ туманныхъ абстракціяхъ или съ самодовольнымъ безсердечіемъ опочившей на холодныхъ выводахъ науки? Вместо ссылокъ на наслѣдственность, среду, эволюцію моральныхъ взглядовъ, на законную необходимость преступленій и нравственную невмѣняемость, — на все то, что подорвало кредитъ всякаго нравственного авторитета и лишило нравственность ея вѣчнаго и истиннаго содержанія, христіанство, своей духовной средой преобразуя наслѣдственность и побѣждая ея роковыя послѣдствія, возвысивъ отвѣтственность человѣка до величайшей степени, вліяя нравственнымъ образомъ на человѣческую свободу, дѣйствительно явились нравственной силой, возродившей человѣчество, источникомъ всей современной культуры въ лучшихъ ея выраженіяхъ, и дѣйствительно, возвышая человѣка надъ мертвыми границами дѣйствительности, есть благая вѣсть съ неба на землю, которую она претворяетъ въ подобіе неба. И солнце не сравнится съ

лучезарнымъ образомъ, даннымъ на вѣки въ идеальномъ ликѣ Христа, котораго даже злая критика певѣрія не могла очернить ни однимъ словомъ! Это не неопределенный образъ выдуманного въ наши дни «сверхъ—человѣка», это не туманное очертаніе скучнаго нравственнымъ творчествомъ идеала нашего времени, а живое воплощеніе идеала на землѣ, въ той или другой степени доступное и для каждого человѣка — христіанина чрезъ тернистый путь личной Голгоѳы. Это не блуждающая въ потемкахъ непознанныхъ цѣлей и ненайденныхъ путей современная мораль, приводящая ея служителей, послѣ безплодныхъ мученій и страданій неизвѣстно куда стремящейся души, въ нирвану отрицанія и бездну унынія, а свѣтлый и ясный, какъ Божій день, свѣтлый и ясный для вѣры путь, который человѣка, при свѣтѣ лучезарной звѣзды, чрезъ терніи внутренней борьбы и аскетизма, не исключающія, однако, истинныхъ и свѣтлыхъ радостей, сопровождающихъ каждый моментъ его духовнаго роста, ведеть къ вѣчнымъ цѣлямъ полнаго усовершенствованія и полнаго блаженства, ведеть путемъ постепеннаго просвѣтленія къ самому источнику свѣта міра и жизни. Это не безплодная и почти непосильная для человѣка борьба, которой плохо помогаютъ самые лучшіе и дѣльные совѣты современныхъ моралистовъ стѣ лица, повидимому, вооруженной точными фактами науки, — той науки, которая сознала безсиліе человѣка выйти изъ жестокихъ и узкихъ границъ эгоизма и выгоды,—а радостная дорога, на которой для человѣка, мучимаго жаждой, вездѣ готовы ключи живой воды и на которой жалкой немощи человѣческой дается въ даръ неисчерпаемый запасъ мощнай энергіи и силы въ благодатномъ общеніи виноградныхъ вѣтвей съ единственной въ мірѣ Лозой истинной жизни. Это не сѣрые идеалы скучной современной мысли, исполненные холода современныхъ сердецъ, для которыхъ нѣть выше критерія, какъ выгоды утонченного эгоизма, а небесные идеалы истинной жизни, высоты которыхъ не измѣрить человѣческой мѣрой, которые будучи рождены въ благодатной сфере Богочеловѣка, суть для людей сладостный путь, свѣтлое отраженіе божественной жизни, ниспосылающее на землю небесное благоволеніе и исполняющее человѣка дѣйствительного счастія и радости въ жизни. Нѣть высшихъ совѣтниковъ и друзей въ этой области для того, кто въ процессѣ самоусовершенствованія сталъ бы искать истиннаго смысла этой жизни, какъ великие подвижники христіанства, бывшіе не только

христіанскими героями, которыхъ недостоинъ весь міръ, но и лучшими психологами и моралистами, у которыхъ такъ можно научиться современнымъ ученымъ тому знанію души и ея внутренней жизни, котораго недостаетъ современной психологіи, въ лабораторії Вундта ищущей разрѣшенія вопросовъ, не укладывающихся въ тиски физіологического метода. Въ своемъ истинно-аскетическомъ взглядѣ—увы, какъ многіе не понимаютъ этого перла нравственной науки!—въ своемъ взглядѣ, требующемъ отъ человѣка возможныхъ усилий для всесторонней борьбы съ тѣми язвами плоти и духа, которые мѣшаютъ внѣдренію въ человѣкѣ истиннаго духа христіанства, его идеала богоподобія,—они являются истинными выразителями христіанскихъ идеаловъ, отпечатлѣвшихся въ ихъ аскетическихъ писаніяхъ, столь мало еще разработанныхъ нашей наукой, не сознавшей ихъ цѣнности, но представляющихъ, безспорно, лучшія произведенія христіанского творчества въ области безконечныхъ вопросовъ совѣсти и нравственного сознанія.

Нѣть надобности долго обѣ этомъ говорить. Достаточно и сказанного, которое можетъ быть и слабо, но все-таки подтверждаетъ, что лишь въ области озареннаго свѣтомъ вѣры христіанского самопознанія, согрѣтаго лучами любви ко Христу, можетъ современный человѣкъ, изъѣденный духовными язвами, не только найти исцѣленіе своихъ ранъ и недуговъ, но и дѣйствительное счастье на землѣ, которое скучно и блѣдно безъ горныхъ вершинъ христіанскихъ идеаловъ и роскошныхъ цвѣтковъ нравственно-христіанского преуспѣянія и совершенства.

Итакъ, призывъ къ Христовой вѣрѣ, къ дѣйствительному неугасающему свѣту жизни, призывъ къ ея свѣтлымъ и неложнымъ обѣтованіямъ, призывъ къ жизни неба на землѣ— вотъ указаніе пути счастья на землѣ и блаженства на небѣ.

VIII.

Не достигаемая на пути личнаго нравственного усовершенствованія, разобщенного отъ вліянія христіанскихъ идеаловъ, цѣль человѣческаго счастья переносится затѣмъ въ болѣе широкую сферу служенія обществу или даже шире—

служенія человѣчеству. Современнымъ теоретикамъ счастья кажется эгоистичнымъ христіанство, которое, повидимому, такъ усиленно требуетъ сосредоточенія воли человѣка на его внутреннемъ «я» въ дѣлѣ того, что на догматическомъ языке называется личнымъ спасеніемъ. Это обвиненіе христіанства, вѣрнѣ даже клевета на него легко устраниется самымъ легкимъ прикосновеніемъ критики, и мы увидимъ, что христіанство и въ этомъ вопросѣ не только опередило человѣческую мысль, но и есть высшій живой источникъ самой самоотверженной дѣятельности на пользу человѣчества и въ узкомъ смыслѣ земнаго счастія, и въ широкихъ цѣляхъ нравственного прогресса.

Не въ этомъ бездушномъ, скудномъ и по сухости его источника, и по безсилію его средствъ, и по безцѣльности его процесса, холодномъ служеніи человѣчеству, этому новому богу современныхъ альтруистовъ, можетъ найти успокоеніе и исходъ своихъ нравственныхъ силъ сердце современного человѣка, которое лишено было здоровой атмосферы религіозной идеи, какъ городской житель лишьнъ того здороваго воздуха, которымъ дышеть житель простора полей и лѣсовъ. Бездушна дѣятельность современного благотворителя. Отплачивающій деньгами за то, чтобы скорѣе ушелъ всколыхнувшій его эпікурейское настроеніе бѣдный и безобразный калѣка, — отплачивающій самыми легкими матеріальными жертвами, чтобы оправдаться въ отсутствіи живого чувства любви къ бѣдности и болѣзненности, благотворящій подъ громкими фразами любви къ человѣчеству изъ-за мелкихъ интересовъ славы благотворителя и еще болѣе мелкихъ цѣлей удовлетворенія своего мелкаго самолюбія, въ погонѣ за которымъ утрачено всякое чувство симпатіи къ душѣ человѣка, ищущей не только матеріальной помощи, но и духовнаго пониманія, современный человѣколюбецъ или филантропъ не заслуживаетъ названія слуги завѣтовъ великаго Человѣколюбца. Холодомъ вѣтъ отъ такого благотворителя: скудость нравственной силы превращаетъ его слова о благотворительности въ подобіе лицемѣрнаго чтенія проповѣдей, которыя скорѣе можно обратить къ самому оратору, и переходитъ наконецъ въ озлобленіе при совершеніи тѣхъ дѣлъ, какія указуетъ ему его положеніе въ обществѣ, его непризнаваемый нравственный долгъ и его отсутствующая въ дѣятельности и живущая только на словахъ мнимая любовь къ человѣчеству, которое онъ въ сущно-

сти презираеть. Даже тамъ, гдѣ остатокъ часто несознаваемыхъ христіанскихъ убѣжденій и вѣрованій замѣняеть ту низкую основу благотворительности, о которой мы сейчасъ говорили, начатая съ идеальными мечтами и вспыхнувшей искрой любви къ человѣчеству, дѣятельность на благо другихъ не рѣдко подобна сѣмени, упавшему на каменистую почву: отъ скоро приходящей влаги оно быстро возрастаетъ, но, не имѣя глубокихъ корней въ христіанскихъ идеалахъ, скоро засыхаетъ отъ палящихъ лучей солнца... Безъ духовной силы, безъ пониманія души ближняго невозможна благотворительность или какое-либо служеніе человѣчеству. Безъ внутренней силы любви, которая растетъ безконечно только въ атмосфѣре христіанской вѣры, невозможенъ пастырь, педагогъ, врачъ, адвокатъ и вообще представитель какого-нибудь служенія благу человѣчества. Безъ вѣры въ Бога, безъ благодатного общенія съ силой христіанского упованія, въ которомъ только одномъ можно найти опору и силу жизни, невозможно ни это одушевленіе, которое дѣлаетъ служеніе человѣчеству своею единственную цѣлью жизни и ищетъ всѣхъ поводовъ, чтобы заявить свои человѣколюбивыя стремленія, ни это постоянство и устойчивость, которая подтачивается постоянно неблагодарностью человѣчества и своимъ внутреннимъ недовольствомъ, невозможно ни это самоотверженіе истинныхъ крестоносцевъ Христа, когда вся богато одаренная личность, со всей высотой нравственного развитія, приносится въ жертву человѣчеству даже до положенія души своей за други своя, ни эта упорная мучительная борьба съ глубоко гнѣздящимися въ существѣ человѣка эгоистическими и плотскими стремленіями,—борьба, которая постоянно переживаетъ часы побѣды и часы паденія и которая можетъ быть ведена съ вѣрою въ ея побѣдоносность и успѣхъ только тѣмъ, кто воспитался и дышеть истиннымъ духомъ христіанскихъ религіозно-одушевленныхъ идеаловъ. Скудная духовной силой, такая дѣятельность кончается ужаснымъ сознаніемъ своего безсилія и мукой скуки и разочарованія въ той идеѣ служенія человѣчеству, которая сперва казалась такимъ манящимъ кубкомъ, полнымъ насладительной влаги. Разочаровавшійся альтруистъ, пришедшій къ полному сознанію безсмыслиности и непосильности предпринятой имъ задачи, дѣлается характернымъ поклонникомъ Ницше, если только не найдетъ утѣшенія въ соблазнительной, но смертоносной для всякаго нравственного чувства, безднѣ грубаго

эпикуреизма. Самое человѣчество, какъ объектъ нашей само-отверженной дѣятельности, только въ христіанствѣ является въ своемъ истинномъ значеніи, какъ собраніе душъ, изъ которыхъ каждая дороже всего міра, носить драгоцѣнное подобіе образа Божія и, искупленная Христомъ, удостоивается высокой чести быть меныши мъ—не рабомъ, нѣть, а братомъ Того, у Кого мы недостойны бы прикоснуться къ ремню Его сапога. Для современного человѣка человѣчество есть не только фикція самаго неопределеннаго очертанія,—оно есть стадо существъ, выродившихся изъ животныхъ, съ основными началами животной жизни, только путемъ эволюціи достигшей того духовнаго развитія, на которомъ остановился XIX вѣкъ. Человѣческая личность исчезаетъ въ этой теоріи, какъ волна въ океанѣ; каждый день на алтарь этого бога—человѣчества приносятся кровавыя жертвы, и лишенное духа любви человѣчество въ своей жизни представляетъ видимую и невидимую повѣсть кровавыхъ преступленій и жертвъ борьбы за существованіе,—этого закона, столь прекрасно выясненнаго представителями современной морали, удалившейся отъ тѣхъ христіанскихъ идеаловъ, которые ее породили и имѣютъ силу возродить снова для счастья людей. Христіанство признаетъ цѣнность каждой отдѣльной человѣческой личности и въ ихъ взаимной работѣ на пользу взаимнаго счастья и нравственнаго прогресса видѣть единственный смыслъ жизни и отдѣльнаго человѣка и всего человѣчества, связуя всѣхъ силою взаимной любви на дружную дѣятельность для высшей общей цѣли которая чрезъ пути этой жизни ведеть всѣхъ къ будущей жизни, полной свѣта и любви, на новой землѣ и подъ новымъ небомъ, гдѣ всѣ вспомнятъ всѣ свои слезы и скорби и признаютъ, что ни одна изъ нихъ не была пролита или пережита безплодно для вѣчности. Только въ этой, озаренной свѣтотомъ вѣры и согрѣтой любовью христіанства самоотверженной дѣятельности на пользу всеобщаго счастія и нравственнаго прогресса есть для современного человѣка дѣйствительный неисчерпаемый источникъ наслажденій въ этой жизни, дающихъ истинное счастье, какъ путь къ небу. Но міръ развѣнчалъ эту любовь, даръ вѣры, перевелъ ее на языки человѣческихъ блѣдныхъ звуковъ и мелкихъ чувствъ,—и оттого скуча, разочарованіе и уныніе — жалкія, бѣдныя пѣсни земли замѣнили чудные звуки небесъ, призывающіе человѣка къ счастію на землѣ и блаженству на небѣ.

Къ возврату этой міровой силы христіанства и должны быть направлены всѣ усилия истинныхъ друзей человѣчества...

Жизнь есть достиганье совершенства въ постепенной побѣдѣ человѣка надъ собой, надъ своими эгоистическими инстинктами, во имя всѣхъ объединяющей христіанской любви. И мы вѣримъ и надѣемся, что человѣчество утомится, наконецъ, безумной борьбой эгоизма.

И тогда сама Безконечная Любовь явить себя міру, и возрадуется міръ, обновленный любовью и радостный.

IX.

Отъ наслажденій, которыя приносить человѣчеству одушевленная дѣятельность на пользу общественного блага на основѣ любви къ человѣчеству, современные теоретики счастья переносятъ насъ въ сферу свѣтлыхъ радостей семейнаго счастья. Счастливый бракъ и нормально поставленная семья— вотъ источникъ счастья на землѣ, дополняющій всѣ другія стороны общечеловѣческаго счастія. Чтобы придать дѣйствительно отрадный видъ этому благу на землѣ пользуются всѣми данными гигиены и житейской мудрости, чтобы чрезъ посредство мудрыхъ и дѣльныхъ совѣтовъ установить возможную почву для истинно-счастливаго брака и нормальной семьи. Всѣ данные точныхъ наукъ привлекаются быть кирничками этого чуднаго зданія настоящей семьи. Но вычисливъ всѣ условія правильности брачныхъ отношеній, условія правильнаго дѣтворожденія и гигиеническихъ основъ первоначального воспитанія, значенія чего нельзя, конечно, отрицать, современные теоретики счастья, вѣрные духу времени, за всѣми этими вѣшними условіями не усмотрѣли той нравственной идеи, которая лежитъ въ основѣ всякаго брака и семьи, и потому предложили современному человѣчеству все, но только не бракъ въ нравственномъ смыслѣ. Да и откуда имъ было заимствовать прочныя данные для обоснованія нравственной идеи брака? Они отвергаютъ силу христіанства въ этомъ вопросѣ и навязываютъ даже ему отрицаніе брака, какъ чисто животнаго проявленія человѣческой природы, какъ акта служенія благу одной лишь плотской личности, какъ это мы видимъ, напримѣръ, у Л.

Толстого. Они проповѣдуютъ свободу любви въ ограниченияхъ христіанской морали видѣть бездушную строгость неумѣренного аскетизма. Изъ современной морали и въ ея теоретическихъ взглядахъ, основанныхъ на естественно-научной почвѣ, и въ практическомъ осуществлениіи ея въ жизни нельзя почерпнуть ничего, кромѣ отрицанія формъ современного брака. Бракъ поставленъ въ колеблющіяся и губительныя условія измѣнчивости человѣческаго чувства и соціальной сдѣлки, а въ иныхъ случаяхъ въ обзаконенную форму простого плотскаго сожитія. Легкость игровой морали перешла и въ область этого вопроса, и лишенное нравственныхъ идеаловъ общество мало даетъ чертъ для указанія положительныхъ сторонъ брака и множество чертъ, которыхъ ведутъ ко взгляданью на бракъ, какъ на цѣпи каторжника, источникъ муки и проклятій. Современные браки, отторгнутые отъ свѣта нравственной идеи и христіанскихъ идеаловъ, представляютъ дѣйствительно плодотворную почву для возрастающаго все болѣе и болѣе пессимизма и потери любви къ жизни и ея радостями. Въ картинѣ Поздышевскаго брака, данной Л. Толстымъ въ его «Крейцеровой Сонатѣ», можетъ быть, сгущены краски, но во всякомъ случаѣ она — довольно правдивое отраженіе большинства современныхъ браковъ, которые созданы или на почвѣ скоро-проходящей чувственной любви, или на зыбкой и обманчивой почвѣ раз-счета, будеть ли то положеніе въ свѣтѣ или финансовая соображенія. Не проникнутые нравственной идеей браки часто, подъ видомъ вѣшнихъ лицемѣрныхъ приличій, заключаютъ въ себѣ не источникъ счастья, а источникъ тщательно скрываемой отъ людскихъ взоровъ внутренней муки и проклятій истерзанного злобой и ложью сердца. Но какъ часто банкротство такой брачной сдѣлки приводить къ концу, который увеличиваетъ происходящую въ современному человѣчествѣ истинную драму отчаянія и пессимизма. Какою же можетъ быть послѣ этого семья, и какое ужасное горе тогда тѣмъ, кто бросиль плоды этого ужаснаго брака гибельной случайности лица, лишенного здоровыхъ условій истиннаго воспитанія?... Чтобы понять и создать идеи нравственного брака, нужно сдѣлать спасительный поворотъ отъ гибельныхъ условій современной нравственной безпринципности къ той силѣ, которая сдѣлала бракъ нравственнымъ союзомъ для высшихъ нравственныхъ цѣлей, нужно возродиться современному человѣчеству и въ животворной атмосфѣрѣ христіанства искать основъ

такого брака и семьи, который есть дѣйствительно дарованный Богомъ источникъ свѣтлыхъ и чистыхъ радостей.

Тотъ, кто въ наши дни со страстью фанатика явился обличителемъ плотского направленія жизни современного человѣчества и въ крайностяхъ увлеченія своими выдуманными психологическими и нравственными началами выступилъ съ отрицаніемъ брака и проповѣдью всеобщаго дѣвства безъ духовной чистоты, какую даетъ ему только христіанство,—не могъ, однако, не сознать и не высказать, что только тамъ бракъ еще представляетъ отрадное явленіе, гдѣ еще вѣрють въ таинство брака, т. е. въ христіанствѣ, и это невольное признаніе силы христіанства въ области этихъ человѣческихъ отношеній стойти того, чтобы къ нему прислушаться и его поклонникамъ.

Въ полнотѣ нравственного единства и взаимопомощи при выполненіи жизненной задачи и въ одухотворенномъ цѣломъ мудріи отношеній состоялъ благословленный Богомъ брачный союзъ первыхъ людей. Мировая катастрофа нарушила эту нравственную норму, и преобладаніе чувственности вытѣснило духовную сторону брака и уничило женщину, предоставивъ произволъ мужскимъ инстинктамъ. Нужно было новое Божественное ученіе, чтобы возстановить чистую идею брачной жизни. Христосъ не только благословилъ скромный свадебный пиръ одной бѣдной семьи, который сопровождалъ, вѣроятно, совершеніе союза на нравственной почвѣ, но и возвысилъ его высоту до степени нерасторжимости союза, сочетаннаго Богомъ, призвавъ женщину на великое дѣло служенія любви въ семье и обществѣ. Проповѣдникъ Христова ученія, св. Павелъ уподобилъ тайну брака дивному подобію союза Христа съ Церковію. Преемники апостоловъ продолжали проповѣждывать святость и нравственное значеніе христіанскаго брака, и вотъ вамъ свидѣтельство, какъ относились къ нему даже тѣ, кто по свойствамъ своего положенія могли сурою смотрѣть на этотъ источникъ земной радости, но кто лучше знали человѣческую душу и лучше понимали явленія человѣческой жизни, чѣмъ тѣ, которые нынѣ выступаютъ непризванными проповѣдниками. Вотъ, напр., слова Тертулліана: «Какъ я могу — говорилъ онъ — достойно изобразить счастье брака, который заключаетъ Церковь, скрѣпляя принесенной жертвой и запечатлѣвая благословеніемъ, который возвѣщаютъ ангелы и который объявляется дѣйствительнымъ со стороны Отца Небеснаго? Какое славное иго двухъ вѣрую-

щихъ, которые имѣютъ одну надежду, живутъ по однимъ правиламъ и служатъ одному Господу! Оба суть братъ и сестра, оба сорабы—въ нихъ нѣтъ раздѣленія плоти и духа. Въ немъ воистину два въ плоть едину, а гдѣ одна плоть, тамъ и одинъ духъ. Вмѣстѣ молятся они, вмѣстѣ постятся, поучая одинъ другого, увѣщевая и поддерживая одинъ другого. Вмѣстѣ они въ церкви, вмѣстѣ за вечерей Господней, вмѣстѣ въ скорбяхъ, въ гореніяхъ, во время покоя и радости. Никто изъ нихъ не скрываетъ одинъ отъ другого, никто не избѣгаетъ другого, никто не бываетъ другому въ тягость. Безирепятственно посѣщаются больные, поддерживаются бѣдные. Въ немъ безъ принужденія дается милостыня, безъ смущенія приносится жертва, безъ препятствія совершается молитва. Въ совмѣстномъ пѣніи раздаются псалмы и пѣсни. Супруги соперничаютъ между собой, кто изъ нихъ лучше хвалить Господа. Христосъ радуется, видя и слыша все это, и посылаетъ имъ миръ Свой; гдѣ — двое, тамъ и Онъ, а гдѣ Онъ — тамъ уже не мѣсто какому-либо злу»... Бракъ есть школа терпѣнія и добродѣтели,—говоритъ Климентъ Александрійскій. Св. Григорій Богословъ, самъ великий подвижникъ, говорить, что «жизнь безъ брачной любви не полна, сурова и бездомна. Необязавшіеся супружествомъ, по его словамъ, не находять себѣ утѣшенія ни въ народныхъ собраніяхъ, ни на пиршествахъ, они угрюмы, чужды для міра; родившись для жизни, не любятъ самаго корня жизни, и въ сердцѣ ихъ нѣтъ единодушія и любви». Онъ не скрываетъ и трудностей брачной жизни, но эти трудности въ бракѣ — по словамъ св. Григорія, — легче переносятся, потому что раздѣляются между двоими; бракъ полнѣе печалями, но полнѣе и радостями; общія заботы супруговъ облегчаютъ для нихъ скорби, и общія радости для обоихъ восхитительнѣе; испытанія переносятся силою любви и взаимной привязанности; въ немъ больше мира и здоровья. Часто бываетъ, что во время тяжкой болѣзни или въ затруднительныхъ обстоятельствахъ отступаютъ отъ человѣка всѣ, не только друзья, но и близкіе родственники. Только жена не измѣняетъ ему и всѣхъ превосходитъ своею заботливою, предупредительною любовью. И вотъ мы видимъ, что пророкъ и царь Давидъ, выражая чрезмѣрную любовь и оплакивая одного изъ любимыхъ имъ и сердечно преданныхъ ему, береть для этого въ примѣръ не любовь отца или матери, дитяти или брата... но чью? Удивися любовь твоя отъ мене,—сказалъ Давидъ,—

яко любовь женская (2 Цар. I, 26). И поистинѣ любовь эта имѣть болѣе силы, нежели всякое господство...

У св. Златоуста мы можемъ найти гораздо болѣе мудрыхъ совѣтовъ для построенія зданія брака и семьи, чѣмъ у современныхъ теоретиковъ счастья.

Однимъ словомъ, христіанство возвышаетъ и одухотворяетъ всѣ естественные человѣческія чувства и стремленія, внося всюду, во всѣ земныя радости, струю пебесной силы. Не лишенъ этого свѣта и истинный бракъ. Если мы прибавимъ, что Христосъ любилъ дѣтей и свойства дѣтской душиставилъ образцомъ духовнаго состоянія, нужнаго для члена Царства Божія, то благотворное вліяніе христіанства на бракъ и семью станетъ вполнѣ яснымъ, равно какъ и то, что только въ *одухотворенной нравственности идеей христіанства* бракъ и семья можетъ быть найденъ дѣйствительный источникъ человѣческаго счастья.

X.

Остается послѣдній необходимый элементъ, входящій какъ условіе общаго счастья,—элементъ того физического и душевнаго здоровья, при которомъ только возможно пользованіе всѣми разобранными нами благами жизни. И это то, чего недостаетъ современному человѣку, и къ возвращенію его направлены заботы современныхъ теоретиковъ счастья... Они восхваляютъ медицинскую науку, предсказываютъ побѣду ея надъ болѣзнями... Они прекрасно говорятъ о значеніи воздуха, питанія, гимнастики, путешествій, всякаго рода гигиены, они возлагаютъ надежды на средства, изобрѣтенные наукой,—а жизнь въ отвѣтъ несетъ самые печальные результаты... Больницы переполнены, смертность повышается, кладбища увеличиваются... Несмотря на развитіе медицины, которая однако еще далеко не перешла на путь точнаго метода и доселъ имѣть много колеблющихся положеній, несмотря на лучшія—такъ утверждаютъ—санитарные условія, несмотря на всѣ страны поддержать дряхлѣющее поколѣніе и остановить процессъ вырожденія, болѣзненность не уменьшается, и хилое человѣчество, извѣрившись въ самую науку, клянеть эту полную стоновъ и муки земную жизнь.

Нельзя, конечно, отрицать ни значенія медицинской науки, ни силы санитарной работы, но есть иѣчто, очень силь-

ное, чего не хватаетъ современному человѣку и что, воплощенное въ жизни, возвратило бы скорѣе, чѣмъ всѣ эти средства, тѣлесное и первое здоровье современному человѣку. Это сила христіанского аскетизма, насколько она касается того союза тѣла съ духомъ, разстройство котораго и ведеть къ такимъ печальнымъ результатамъ вырожденія и одряхлѣнія современаго человѣчества. Темные взглѣды на жизнь, лишенные нравственной основы, привели человѣчество къ тому, что въ развинчивающей нервы и губительной для тѣла удушливой атмосферѣ плотскихъ удовольствій люди стали искать забвенія той пустоты, какую обнаруживаетъ ихъ внутренній міръ, и той муки, какую вносить въ ихъ сердца отсутствіе нравственныхъ принциповъ и убѣжденій. Жизнь коротка, и нечего жалѣть ея силь. «Будемъ ѿсть и пить, ибо завтра умремъ»—этотъ девизъ древней языческой распущенности сталъ девизомъ и современаго, оскудѣвшаго вѣрой человѣчества. Среди грубыхъ соблазновъ дѣйствительности, разжигающихъ ничѣмъ не сдерживаемые инстинкты и пробуждающихъ преувеличенныя потребности, въ излишествахъ всякаго рода растрачиваетъ оно свои душевныя и тѣлесныя силы—и наука оказывается бессильною бороться съ нервнымъ вѣкомъ... Побольше христіанства, этой вѣчно животворной силы, побольше его нравственныхъ идеаловъ, побольше его аскетическихъ началъ—и положеніе исправится, и надежда возсіяетъ надъ гибнущимъ міромъ. Христіанство устанавливаетъ правильныя отношенія между плотью и духомъ. Оно проповѣдуетъ жизнь спокойнаго и радостнаго труда, одушевленнаго вѣрою и любовью; оно предостерегаетъ отъ излишествъ эпикурейского безстыдства и растраты силъ, призываю къ правильному и осмысленному пользованію благами жизни и временемъ; оно научаетъ цѣнить не только небесный, но и земной смыслъ жизни; призываю къ внутренней работѣ, оно воспитываетъ волю, способствуетъ преобладанію духа надъ тѣломъ, вносить въ жизнь человѣка гармонію, спасаетъ его отъ муки личнаго міра, зависти, злобы, легкомысленной игры въ жизнь, служитъ основой истиннаго воспитанія и есть источникъ здоровыхъ радостей правильно развитаго, умѣреннаго въ потребностяхъ и одухотвореннаго его нравственной силой, духовно и тѣлесно здороваго странника по дорогамъ міра въ будущее царство, где нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни воздыханій. Итакъ, въ животворную область возрождающей силы

христіанства надо вести нашъ болѣзnenный и нервный вѣкъ. Дисциплиной аскетического подвига надо лѣчить современаго человѣка. Въ здравыхъ началахъ христіанскихъ взглядовъ на тѣло, душу и жизнь надо ждать обновленія усталыхъ воль и изжитыхъ силъ современаго человѣка. Только въ союзѣ съ этой основной аскетической задачей, только на основѣ начала воздержанія и умѣренности можно успѣшно дѣйствовать современной наукѣ въ задачѣ ея борьбы со зломъ дряхлаго современаго человѣчества. И только здѣсь, только въ христіанствѣ, положена основа истинному счастью—пользоваться благами здоровья духовной и тѣлесной природы, этому условію для возможнаго осуществленія указанного христіанствомъ истиннаго смысла жизни. Въ немъ—залогъ здоровья и долголѣтія. Оно спасеть современное усталое человѣчество. Оно прольетъ миръ и радость въ сердца, способная доселѣ только къ мелкимъ чувствамъ и скучнымъ пѣснямъ пессимизма.

XI.

Наша работа приходитъ къ концу. Разсмотрѣвъ основные элементы указаннаго современными мыслителями содержанія человѣческаго счастья, мы не станемъ затруднять ваше вниманіе такими, напримѣръ, меньшаго значенія элементами, какъ польза уединенія, радости дружбы и т. п. И здоровый взглядъ на значеніе въ нравственному самовоспитаніи уединенія, средства для самособранности духа, освященнаго примѣромъ Христа и истолкованнаго носителями христіанской идеи аскетизма, и нравственные основы истинной дружбы,— все это освящается христіанствомъ и идетъ, какъ живыя части, въ то сложное явленіе, которое называется счастьемъ христіанина. Вообще, христіанство исполняетъ глубокаго нравственного смысла всю жизнь человѣка и все одухотворяя и возышая, вносить во все чистоту и прочность наслаждений, обогащая нашу жизнь небесными радостями, которыхъ отражениемъ служить наше земное счастіе. Оно земной жизни противопоставляетъ будущую загробную, земному счастью—блага вѣчнаго общенія съ Богомъ, земной правдѣ — правду вѣчную. Оно грозитъ судомъ Божіимъ угнетателямъ, поднистамъ, взорѣ угнетаемыхъ къ Богу, грозитъ скupцамъ и черствымъ богачамъ низверженіемъ башни ихъ материаль-

наго благосостоянія, а гордымъ мудрецамъ — разрушеніемъ и самоотрицаніемъ ихъ мудрости, обѣщаетъ праведнымъ спокойные дни земнаго благоденствія, обличаетъ суетность земныхъ стремленій, указываетъ истинный источникъ земнаго счастья и всѣхъ въ виду вѣчности и загробнаго возданія призываетъ къ религіозно-нравственной дѣятельности. Но христіанство сдѣлало еще больше. Возвративъ человѣку рай, исполнивъ нашу земную жизнь райскими пѣснями мира и любви, оно дало еще человѣчеству то, чего не можетъ дать наука, гдѣ безсильно человѣческое разсужденіе,— объяснивъ причины, смыслъ, цѣли и нравственное значеніе такихъ фактovъ, какъ болѣзнь, скорби и смерть...

Болѣзни — какъ много горя приносятъ они человѣчеству! Какіе стоны раздаются на землѣ! Сколько больницъ и страданій! Христіанство не уничтожило болѣзней, этого послѣдствія нарушенія первымъ человѣкомъ гармоніи своихъ нормальныхъ отношеній. Но къ тому, что аскетизмъ христіапскій сдѣлалъ для вопроса о болѣзняхъ, о чемъ мы говорили уже, надо прибавить еще, что христіанство создало въ сердцѣ человѣка субъективную силу въ борьбѣ съ болѣзнью — духъ христіанского смиренія и терпѣнія, духъ покорности волѣ Божіей и глубоко-примирительный взглядъ на болѣзнь, какъ средство, ведущее къ нравственному возрастанію, а въ объективной жизни оно противопоставило человѣческому страданію великую силу христіанского милосердія и любви. Тамъ легче болѣть и страдать, гдѣ духъ терпѣнія больного, его вѣра въ Промыслъ, соединяется съ отрадной атмосферой самоотверженного милосердія любящаго сердца съ его словомъ ласки, дружбы и смиреннымъ служеніемъ христіанской послушницы... Христіанство, и только оно одно, произвело ту реформу и въ исторіи больныхъ, и въ жизни женщинъ, — реформу, которая примиряетъ больного съ зломъ болѣзни и даетъ ему столько нравственного свѣта и утѣшения, истекающаго изъ самоотверженной христіанской любви... О, если бы этой любви, цѣлительницы страданій болѣзни, исполненъ былъ весь міръ! О, если бы благоуханный алавастръ мура любви никогда не оскудѣвалъ въ человѣчествѣ!

Скорби — вотъ другое страшное горе, которое томитъ живое человѣческое сердце... Одна печаль смѣняетъ другую. Иногда слезы не успѣваютъ высохнуть... Сколько страданій отъ внутренняго разлада, отъ потерянныхъ надеждъ, сомнѣній

вѣры, мученій совѣсти, неоправдавшихся мечтаний, отъ разлуки, отъ обмана, отъ гнета,— сколько страданій, которыхъ не выскажешь словомъ, и которыхъ во всей ихъ полнотѣ выстрадалъ одинъ лишь Страдалецъ на Голгоѳѣ... Но у него же, Цѣлителя душъ, надо искать объясненій истиннаго смысла всѣхъ повинныхъ и такъ называемыхъ неповинныхъ страданій, и только христіанство объяснило этотъ смыслъ, указавъ значеніе человѣческихъ страданій, какъ путей, ведущихъ къ небесному идеалу. Страданія—великая истина жизни; они ея—необходимое условіе, потому что, очищаемая страданіями, душа чѣловѣка, наоборотъ, «заглохнетъ безъ горя, какъ буря безъ грозы». Подъ вліяніемъ христіанства лучшіе поэты были пѣвцами страданія и любви. «Я жить хочу, чтобы мыслить и страдать»,—эта любовь къ жизни несмотря на всю горечь страданія внушена христіанствомъ. Какъ муки Голгоѳы озарялись вѣрой въ будущій свѣтъ воскресенія, такъ личная Голгоѳа каждого есть путь къ счастію и блаженству. Псалтирь полна поэтическихъ уроковъ о значеніи скорбей и страданій въ дѣлѣ приближенія къ идеалу. Слово Господа: «не оставлю васъ сиры, пріиду къ вамъ» — въ часы печали и скорби сіяеть надъ міромъ, какъ лучъ утѣшенія и свѣтлаго упованія, ниспосыпаемый на землю, покрытую слезами. Оно порождаетъ въ вѣрующей душѣ отрадную надежду, что «кто сѣялъ горькими слезами, тотъ жатву радости пожнетъ».

Просвѣтленное христіанствомъ сердце примиряется съ страданіями жизни, и даже болѣе: оно — по слову поэта— «Не отдастъ за блаженство покоя креста благодатныхъ страданій и слезъ», потому что видѣть въ нихъ вѣрный путь къ свѣтлой цѣли. «Душа поднимается къ небу, когда теряешь то, что любишь. Ты, о Христосъ, зналъ, что въ жизни есть единственное добро — любовь, и единственная истина — страданія» (Мюссе).

Скорбь — наставникъ строгій и суровый, но необходимо слушаться этого вѣрнаго наставника. Она срываетъ покрывало съ нашихъ иллюзій и будитъ нашъ сонъ, когда мы забываемся въ невѣрныхъ мечтахъ. Она даетъ намъ ключъ—оцѣнивать, чего стоитъ каждая вещь на землѣ. Какъ счастье притупляеть чувство нравственного призванія! Человѣкъ привыкаетъ думать, что онъ живетъ и дѣйствуетъ безукоризненно, но грозный товарищъ хоть однажды посѣщаетъ нашъ очагъ, онъ будитъ уснувшую совѣсть, указуя намъ высшія нрав-

ственныя цѣли; онъ смиряеть насъ, совершаеть перемѣны въ нашемъ духовномъ мірѣ, увлекая его туда, гдѣ не будетъ скорби,— и вѣрно слово, что по слѣдамъ печали входитъ въ домъ радость и спасеніе. Всѣ, кто истинно страдалъ, чувствовалъ отрѣшеніе отъ земли, обновленіе вѣры, которая въ минуту печали показываетъ намъ отверстое небо. Будемъ благодарны страданіямъ: они научаются насъ любить, они даютъ намъ свѣтлую радости любви со стороны близкихъ. Лучъ любви, терпѣнія и вѣры примиряетъ человѣка со скорбью, въ которой онъ видитъ свѣтлую цѣли...

Скорбь переносить насъ къ вопросу о вѣчности. Христианство не только примирило человѣка съ болѣзнью, не только внесло высшій смыслъ въ страданія, но сдѣлало безсильнымъ и послѣдняго врага человѣка — смерть. Оно не уничтожило смерти, какъ закона природы, но сдѣлало ее невозмѣрѣніемъ для новой жизни. Всѣ пасхальныя пѣсни, которыя такъ поднимаютъ нашу душу въ свѣтлую сферу вѣчности, проповѣдуютъ одно: Христосъ побѣдилъ смерть... Гдѣ, смерть, твое жало? Адъ, гдѣ твоя побѣда?

Могила — это уготованная матерью сырой землей колыбель будущаго насельника новой земли, гдѣ нѣтъ ни болѣзни, ни скорби, ни смерти, а одна жизнь вѣчности. Сила, которая всему даетъ жизнь, есть любовь, это отраженіе Божественной жизни въ холодныхъ сердцахъ людей: она — очагъ счастья на землѣ и свѣтлая мечта надеждъ вѣчности... Она просвѣтляетъ духовный взоръ человѣка и дѣлаетъ понятію для сердца дивную связь всѣхъ отдѣльныхъ явлений жизни съ ея вѣчнымъ первоисточникомъ.

XII.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ обѣ отношеніи христианства не къ личному счастью отдѣльныхъ людей, но и къ общему счастью всего человѣчества. И здѣсь нашъ взглядъ на значеніе христианства не можетъ быть инымъ, чѣмъ въ предыдущихъ разсужденіяхъ. Объединявшися всѣхъ въ союзъ любви и указуя вѣчныя цѣли историческому процессу, оно призываетъ всѣхъ къ дружной работѣ на служеніе общему счастью и нравственному прогрессу всѣхъ людей. Любовь излечиваетъ язвы жизни и облегчаетъ ея страданія;

вѣчность даетъ смыслъ каждой эпохѣ, каждому народу, каждому историческому явленію. Тамъ, гдѣ на поле человѣческой исторіи свѣтять безчисленныя звѣзды и лучи отъ Солнца всемирной любви; нѣтъ мѣста для скучныхъ пѣсенъ пессимизма, и тернистый путь жизни ведеть людей — каждого въ личной его долѣ и всѣхъ въ живомъ союзѣ и единству — къ совмѣстной радости въ сияющей въ свѣтлой дали, вѣчной жизни на новой землѣ, подъ повымъ небомъ, — жизни, пріобрѣтаемой тяжелымъ, но радостнымъ подвигомъ взаимной работы на общее счастье и блаженство...

Итакъ, въ христіанствѣ исчезаетъ роковая противоположность между счастьемъ отдѣльного *лица* и общимъ счастьемъ *всѣхъ* людей, и работа личнаго нравственнаго совершенствованія незамѣтно сливаются съ готовностью отдать свои силы на «святую борьбу» для блага всѣхъ.

Христіанство есть источникъ земныхъ радостей и небесныхъ упований. Въ немъ спасеніе и основа жизни человѣчества, источникъ истиннаго человѣческаго счастья.

Да раздастся же, да не умолкаетъ проповѣдь христіанства, — да гремятъ бодрыми звуками призывы къ единственному пристанищу отъ обманчивыхъ призраковъ, соблазняющихъ душу современаго человѣка. Пусть сознаетъ приближающійся XX вѣкъ, что «жизнь безъ Христа лишь случайный сонъ». Будемъ вѣрить, думать, чувствовать и поступать *по христіански*, и Богъ мира и любви исполнить нашу жизнь радостей и счастья — прочнаго, чистаго и вѣчнаго.

Мы слышимъ голосъ Христовъ: *ищите царствія Божія и правды Его, и вся приложатся вамъ*, и на вопросъ: гдѣ и въ чёмъ искать истиннаго счастья? — съ твердымъ убѣждѣніемъ, съ вѣрою въ сердцѣ, съ восторгомъ отвѣчаемъ:

„Господи, куда намъ идти? Ты имѣешь глаголы жизни вѣчной“.

Свящ. Θ. Преображенскій.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Дмитрий Юрьевич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки